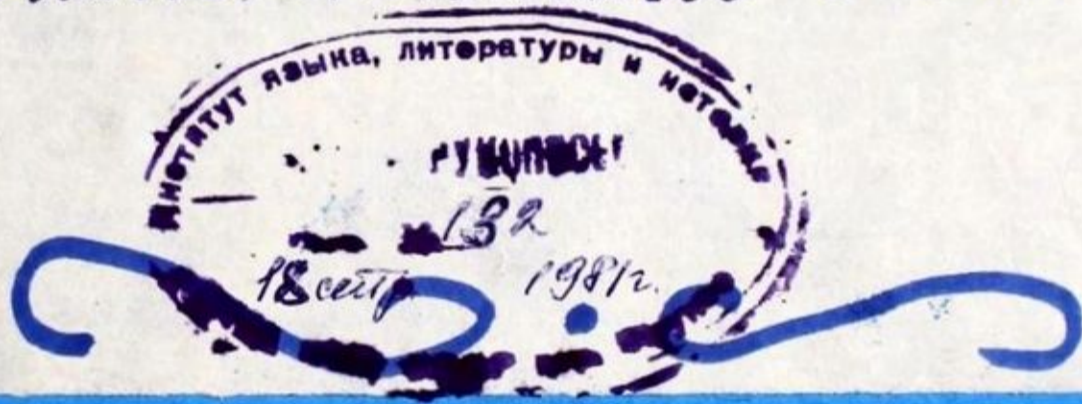

132

15

Толыбанов С. Д.

Литературные мелочи.

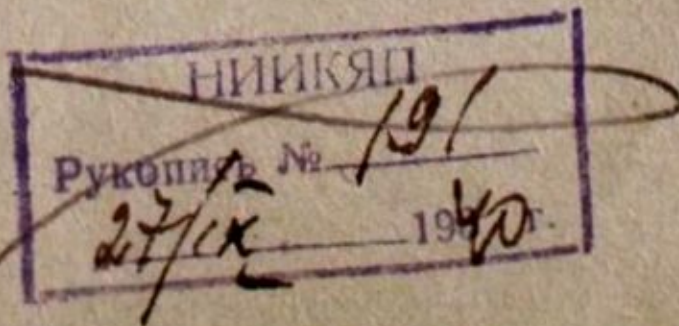
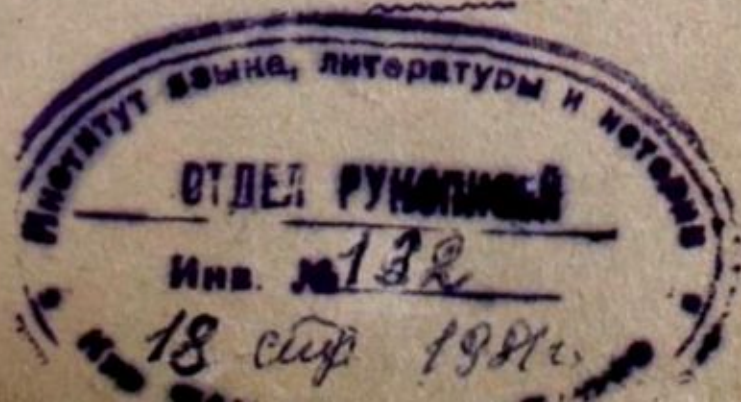
В. Об-к

НИИЯП
Рукопись № 15
193Лингвистические мелочиI. Дунганский суффикс множественного числа - тш.

Употребляемый в дунганском языке в соответствии северно-китайскому „мынь” / ¹⁹⁹/ суффикс множ. числа - тш (напр. в тамш „они”, вэштш „мы”, нитш „вы”) нуждается, прежде всего, в разъяснении фонетического своего состава: является ли он этимологически - тождественным китайскому „мынь” / ш / звука, в таком случае, дальнейшим его историко-фонетическим видоизменением? И если - да, то каковы причины и каков ход данного звукоизменения?

Во-вторых, поскольку этимологическое тождество дунг. тш и китайского „мынь” [тэ ~ тш] может быть установлено, возникает вопрос: каково же происхождение, т.е. каков общий древне-китайский источник обоих этих суффиксов / - ти // „мынь” / /? иначе говоря, - какое (первоначально самостоятельное) слово грамматика лизовалось в данный (китайский и дунганский) суффикс множ. числа?

На второй из этих вопросов мною уже дан был краткий ответ - в „Грамматике современного китайского разговорного языка” А.И. Иванова и Е.Д. Поливанова; и потому здесь мне придется лишь повторить этот ответ, снабдив его некоторыми новыми параллелями обще-лингвистического характера. Но предварительно нужно, разумеется, разрешить первый вопрос: действительно - ли дунганское тш является просто историко-фонетическим рефлексом китайского „мынь”? (так как в противном случае не имело бы смысла и привлекать дунганский суффикс к этимологии „мынь”, т.е. ко второму из вышеназванных вопросов).

Мне кажется, что объяснение (и именно — историко-фонетическое объяснение) дунганского суффикса -та из кит. "мынь" оказывается не только вполне вероятным, но и единственно возможным (— ввиду отсутствия конкурирующих с ним объяснений¹⁾). Ход звуковой эволюции, при этом, я допускаю такой: поскольку китайское "мынь" (— неударенное, как это вообще свойственно китайским суффиксам) произносится, ввиду нормы, уже без гласного звука, т.е. со слогаобразующим n [=-тн; например — "та¹-мынь" = t^há-тн "они", и т.д.], постольку и эволюция на дунганской почве мы вправе вести от этого комплекса -тн. Дальнейший, т.е. второй этап возможно (хотя и не обязательно) допускать в виде *-тн благодаря ассимиляции второго носового [н] первому [т] по месту образования, т.е. по губной работе. Аналогией может служить изменение н → т после губного согласного в современном немецком языке — напр., lieben = li:vн → li:vт (в быстрой речи) и т.д.. Но на-

до иметь ввиду, что I/ этот (второй, или промежуточный) этап мог и вовсе отсутствовать: переход в и (возможен и

I/ Может быть названо одно только — чисто гипотетическое — соображение, которое могло бы быть противопоставлено нашему допущению (относительно "мынь" → дунг. -та) — о том, что дунганский суффикс представляет собой грамматикализацию слова "му" "мать": сравн. комплекс "азы" - му "алфавит, азбука", где "му" действительно оказывается как-бы субститутотом понятия "совокупность" [т.е. "алфавит, азбука" = букв. "мать букв" → "совокупность букв"], откуда очень недалеко, разумеется, и до понятия множественного числа. Но стоит ли говорить о том, что именно в приложении к основам личных местоимений (после которых дунг. -та главным образом и употребляется как и кит. "мынь") эта этимология и обнаруживает свою несостоятельность: "его мать", "моя мать", "твоя мать" никак не превратимы в личные местоимения "они", "мы", "вы".

происходит
длин гортани
сильно

для переднеязычного носового слогаобразующего / в данной
позиции/; 2/ что если этот этап и существовал.

Но надо иметь в виду, что 1/ ~~этот~~ /второй или промежуточ-
ный/ этап мог и вовсе отсутствовать: переход в И возможен

и для переднеязычного носового слогаобразующего / в дан-
ной позиции/; 2/ что, если ^{этот} этап и существовал, то лишь

в виде крайне кратковременного этапа и, по видимому, лишь
в качестве факультативного варианта (- варианта быстрой

речи) переднеязычного носового слогаобразующего - η
(- в виду диалектического противоречия между физиологи-

чески ~~не~~ -мотивированным переходом $m \rightarrow \eta$ и принци-
пальными фонологическими)

нормами зап.-китайской (и сев.-китайской) силлабемы,
допускающими в конце слога только n и η , но не m).

Для следующего этапа - для перехода $\eta \rightarrow u$ или
 $m \rightarrow u$ [т.е. ~~$m \rightarrow \eta$~~ ^{$m \rightarrow \eta$} ~~$m \rightarrow u$~~ ^{$m \rightarrow u$} ~~$m \rightarrow \eta \rightarrow u$~~ ^{$m \rightarrow \eta \rightarrow u$}]

~~этап~~ можем назвать - до известной степени близким - ана-
логичным ^{опять-таки} из немецкого языка, именно из некоторых немецких

народных диалектов. Еще лет 20 - 25 то-
му назад профессор Ф.А. Браун приводил в своих лекциях,

в качестве текстового примера, песенку, исполнявшуюся не-
мецкими солдатами: "Unser Kaiser soll leben..."

связанная с фразой:

Und die Herren Offizier
Soldaten, Soldaten sind wir

Нелепое содержание песенки мы оставляем, конечно, в
стороне: ~~она~~ ^я привожу ~~первую~~ ^{ее строку} исключительно потому, что в

ней отмечена /профессором Ф.А. Брауном/ форма leben
[le:vin в фон. транскрипции] - ем. leben [le:vin или

le:vt в обычном немецком произношении]. форма эта пока-

аналогичной немецкой орфографии текст ее таков: Unser Kaiser soll leben
Und die Herren Offizier,
Soldaten sind wir!

зывает, что в данном слове /как и в других словах с подобным же конечным звуко сочетанием/ имел место переход носового слогаобразующего в um, - иначе говоря, повторился тот же процесс, который восстанавливается для древней истории германских языков. Сходство между этим диалектическим немецким /как и древне-германским/ звукоизменением, где в составе рефлекса *nasalis sonantis* развивается гласный u, - в дунганском **mn* → *mu* [= «mw»]

+

приобретает, в глазах фонетика, и в частности фонолога, решающее значение, если принять во внимание акустическую причину появления здесь (т.е. в данных — германском и дунганском — рефлексах носовых слогаобразующих) гласного u — т.е. гласного с крайне низким характерным тоном [сравн.

по этому поводу разъяснение, даваемое *J. Jakobson* в "Travaux

de la Linguistique de Prague"

"№ 2, р. — Появление гласного u в

русском, сербском и чешском рефлексах "большого u" - u

, т.е. o носового]. Учитывая, следовательно, как

главный момент, снижающее тон гласного влияние на зам-

зации, мы можем уже не придавать значения различия меж-

ду немецким, /а также древне-германским/ и дунганским

рефлексами: um / /, с одной стороны, и дунг. u - с

другой [мотивировка отсутствия, конечного носового в дун-

ганском - mu (- не mun ни и не muu!) Затруднения

не представляют].

Наконец позволю себе добавить еще одну приблизитель-

ную параллель (к данному переходу *nasalis sonantis* в u):

японско-е звукоизменение **M* (так я обозначаю *m*, играв-

шее роль второго элемента дифтонга) в u неслоговое¹;

Которое, затем, иногда становилось и слоговым: сравн. древне-японск.

= muга в русской транскрипции /название провинции/ — muга **ri-mika* →

**riMka* → **riMga* → **riuga*